

Анастасия Татьянкина

**Звери среди
нас**

Анастасия Татьянкина

Звери среди нас

<https://litres.ru/74294587>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга затрагивает важную и болезненную тему — проблему насилия в семье. Она рассказывает о том, как дети переживают сложные ситуации, связанные с поведением взрослых. В произведении поднимаются вопросы безопасности детей и их доверия к близким. Автор показывает, как важно вовремя заметить тревожные сигналы и поддержать ребёнка. Книга будет интересна не только детям, но и родителям, которые хотят лучше понимать своих детей и научиться поддерживать их в сложных ситуациях.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	6
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Глава 6	20
Глава 7	23
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Анастасия Татьянкина

Звери среди нас

Глава 1

Очень тяжело и болезненно когда ребёнок оказывается в опасности в собственной семье — это нарушение потребностей в безопасности и доверии к самым близким людям.

Ребёнок не должен нести ответственность за поведение родителя.

Насилие в любом проявлении — это сознательный выбор взрослого человека, за который рано или поздно ему придётся заплатить высокую цену.

Многие матери, даже замечая тревожные звоночки, стараются не замечать происходящего.

Правда бывает настолько страшной, настолько противоречит нашим представлениям о семье, что проще отступить, убедить себя: «Я в домике, я ничего не вижу».

И лишь немногие готовы бороться за жизнь и душу своего ребенка, а хотелось бы, чтобы каждая мать закрывала глаза на страх: на огласку ситуации, осуждение, стыд.

Ведь чувства ребенка важны, он в таких ситуациях испытывает страх, растерянность, винит себя за то, в чем он не виноват, все это травмирует душу ребенка.

Ребенок, не важно, дочь это или сын, в большинстве ситуаций переносит всю боль молча.

Даже если он уходит тихо в комнату и не говорит, не просит помощи, это не значит, что нет проблемы.

Часто дети боятся, стыдятся того, что с ними происходит, и не знают, как им об этом сказать, они считают, что их мама не простит, не поймет или просто бросит.

Но это заблуждение, и важно показать, как дети для нас важны, мы их любим и никогда не бросим, и, конечно, придём на помощь, как бы ни было сложно принять реальность, в которой оказалась семья.

Глава 2

Маша была необыкновенной девочкой: в её открытых карих глазах таилась особая глубина, а золотые волосы мягко обрамляли лицо. В этих пятилетних глазах читалась недетская тяжесть — взгляд был удивительно взрослым и пронизательным.

Девочка лежала на стареньком диване и тихо плакала. Мама ушла на работу, а отец снова сидел на кухне, распивая спиртное с каким-то мужчиной.

Маше ужасно хотелось есть, но она знала: стоит только появиться на кухне — отец тут же прогонит её, не дав даже крошечного кусочка.

После того как отец выманил у мамы последние деньги на бутылку, она не выдержала и выгнала его.

Он долго ходил вокруг да около, вымаливая у мамы прощение.

Мама и не подозревала, что, пока она на работе, он бил Машу и обзывал её отродьем.

Маша не понимала, за что он её так ненавидит, но отец постоянно твердил: «Проговоришься маме — она тебе не поверит».

И девочка молчала. Она и правда верила, что мама не поверит, а ещё боялась: вдруг после этого мама её разлюбит.

Зачем мама пустила отца обратно? Ведь они так хорошо

жили вдвоём — тихо, спокойно, по-дружески.

Но он вернулся — и всё пошло прахом. Снова начались запои, а потом он и вовсе стал поднимать руку на маму.

У Маши заурчало в животе. Она тихонько поднялась и на цыпочках прокралась на кухню — вдруг удастся найти хоть что-нибудь съестное.

На кухне сидел отец — тёмный, угрюмый, с редкими волосами и опухшими глазами; худой, высокий, он будто ещё больше ссутулился, словно тяжесть собственных поступков гнула его к земле.

Напротив него развалился пузатый мужчина, похожий на бочку; его маленькие чёрные глазки, будто бусинки, неприятно поблёскивали — они и правда напоминали глаза таракана.

Маша притихла и, затаив дыхание, прислушалась к разговору.

Отец обращался к пузатому мужику — его звали Борис, но в сознании Маши это имя почему-то ассоциировалось с «поросёнком».

— Борис, дай на бутылку, моя не даёт, трубы горят, сил нет, — хрипло проговорил Витя, отец Маши.

— А чем отдавать будешь? — буркнул Борис. — Ты и так мне задолжал.

— Сейчас, — отрезал Витя и поднялся из-за стола. Он встал, покачиваясь, и побрёл в комнату, нелепо задирая ноги — так, что Маше он вдруг напомнил цаплю, неуклюже ша-

гающую по болоту.

Дойдя до комнаты, он схватил новую куклу — ту самую, что жена купила «этой маленькой паршивке», — и розовый велосипед.

Сцапал и потащил на кухню, волоча велосипед по полу и ворча себе под нос: мол, ему плохо, а они тут жируют, деньги тратят непонятно на что.

Маша видела, как отец тащит Аленку — её любимую куклу — и новенький велосипед, который купила мама.

От обиды у девочки перехватило дыхание, и она крепко прижала руки к груди, будто пытаясь удержать рвущееся наружу горе.

В душе ещё теплилась слабая надежда: вдруг этот толстый, словно раздувшийся поросёнок, мужик откажется, не станет забирать её игрушки?

Но надежда растаяла в мгновение.

Маленькие чёрные глазки Бориса, похожие на тараканы, вспыхнули алчным блеском, едва он увидел велосипед.

Он довольно потирал руки, бросая на Витю довольные, чуть ли не торжествующие взгляды.

Маша не выдержала — ноги сами понесли её на кухню. Она вбежала, задыхаясь от слёз, и бросилась к пузатому мужику, цепляясь за последнюю надежду.

— Дяденька, пожалуйста, не забирай мои игрушки! Оставь мой велосипед! — пролепетала она так, как умеет просить только ребёнок: отчаянно, искренне, всем своим ма-

леньким существом.

Но слова её разбивались о глухую стену равнодушия. Мужик даже не взглянул на девочку. Он тяжело поднялся, сгрёб в охапку и велосипед, и куклу — будто это были не самые дорогие для Маши вещи, а просто ненужный хлам. И, покачиваясь, пошагал к выходу.

Маша метнулась следом и вцепилась дрожащими ручонками в его колени, будто могла этим удержать неотвратимое.

— Дяденька, оставь, ну пожалуйста... — сквозь слёзы шептала она, и голос её дрожал, срываясь на тихий всхлип.

В ответ — лишь резкий, безжалостный толчок ногой. Мужик отшвырнул её, словно мешающую вещь, и вышел, хлопнув дверью.

А отец стоял тут же, мрачный, потемневший от злости, и вдруг взорвался криком:

— Что ты тут устроила?!

Он схватил ремень — и хлесткие удары обрушились на хрупкие плечи.

Маша сжалась, глотая рыдания, но слёзы всё равно катились по щекам — горячие, горькие, полные невыносимой детской боли.

В этих слезах была вся её обида, весь страх и непонимание: почему мир вдруг стал таким жестоким?

Маша тихо лежала, свернувшись клубочком, и беззвучно плакала. Про голод она давно забыла — эта привычная, тусклая боль померкла перед тем, что творилось внутри.

Мама пришла вечером с работы, но Маша даже не вышла её встречать. Она лежала, вжавшись в диван, и слушала, как за стеной снова гремит голос отца, как срывается на всхлипы мамин голос.

Слышала тяжёлые, резкие звуки, от которых всё внутри сжималось, и потом — тихие, сдавленные мамины рыдания, будто она старалась плакать так, чтобы дочка не услышала.

А Маша слышала. Каждое слово, каждый всхлип впивались в сердце острыми иголками.

Она лежала, уставившись в потолок, где в тусклом свете плясали тени, и шептала, словно заклинание, которое должно было уберечь её от этого кошмара:

— У меня никогда такого не будет. Никогда. Я вырасту — и всё будет по-другому. Всё будет хорошо.

И она крепко цеплялась за эти слова, потому что сейчас они были единственной опорой в её мире.

Глава 3

— Маш, вставай, в садик пора, мы опаздываем! — позвала Ольга дочь, и голос её, хоть и звучал привычно строго, дрожал от усталости.

Ольга не спала почти всю ночь. Витька снова напился, снова сорвался — бил, кричал, сыпал обвинениями, будто в каждом её вздохе видел причину всех своих бед.

А она только закрывала голову руками и молчала: кричать в ответ не было сил, да и какой в этом толк?

Денег в доме не было совсем. Те крохи, что Витька зарабатывал слесарем — а работа-то неплохая, нужная, — почти всегда уходили не на семью, а на выпивку.

Нередко вместо денег ему платили спиртным: «Держи, брат, это сейчас нужнее», — и он брал, не споря.

А Ольга тянула всё на себе: на свою небольшую зарплату санитарки в хирургическом отделении покупала продукты, оплачивала коммуналку, покупала Маше хоть что-то из одежды.

В отделении она привыкла к тяжёлой работе, к запаху лекарств и хлорки, к бессонным ночам у больных — но дома усталость становилась другой: глухой, выедающей изнутри.

— Маша, ну давай же, мы совсем опаздываем! — Ольга подошла к дочери и легонько встряхнула её за плечо, стараясь не выдать, как дрожат собственные руки.

Смена в медсанчасти начиналась ровно в восемь, и опаздывать Ольга не могла: там её ждали, эту работу она потерять не могла.

А ещё ей казалось, что если она придёт вовремя, если сделает всё правильно хотя бы на работе, то, может быть, хоть что-то в этой жизни ещё можно удержать.

— Встаю, мама... — тихо пролепетала Маша, не открывая глаз, будто боялась, что, если откроет, день обрушится на неё всей своей тяжестью.

Ольга нетерпеливо, почти резко откинула одеяло — ей и правда было тяжело, сил едва хватало на самое необходимое, и каждая минута промедления казалась непозволительной роскошью.

Она уже хотела что-то сказать, поторопить, но вдруг замерла.

Взгляд её скользнул по телу дочери — и остановился. От поясницы до самых колен на бледной коже темнели синяки, лежась ровными полосами, слишком ровными, чтобы быть случайными. Полосы, будто от ремня.

Время будто остановилось. Ольга почувствовала, как земля уходит из-под ног. Она медленно, словно каждое движение давалось с невероятным трудом, опустилась на колени у дивана, не замечая жёсткого пола, не чувствуя ничего, кроме ледяной пустоты внутри, закрыла глаза своими ладонями.

Глава 4

Ольга сидела на полу у дивана, крепко прижимая ладони к лицу, будто хотела спрятать от всего мира не только глаза, но и саму эту невыносимую правду. В голове гудело, мысли путались, натыкались друг на друга, и ни одна не могла сложиться во что-то цельное. Она всё пыталась поймать тот самый миг, когда всё пошло не так, — тот незаметный поворот, после которого родной дом превратился в место, где страшно дышать. Как она могла не заметить, как позволила ситуации дойти до края, где в опасности оказался самый дорогой ей человек?

Она дала себе слово: сейчас нельзя поддаваться панике. Нужно собраться, подумать, понять, что делать дальше. Но каждый раз, когда она пыталась выстроить хоть какой-то план, перед глазами вставали эти тёмные полосы на коже Маши — ровные, жестокие, не оставляющие места для оправданий.

Ольга уже пыталась выгнать Витьку. Делала это тихо, без криков, когда он был трезвее обычного, надеясь достучаться до того человека, которого когда-то полюбила. Но с каждым разом он реагировал всё яростнее. Теперь он не просто не уходил — он будто упивался своей властью над ней, и чем сильнее она пыталась сопротивляться, тем ожесточённее становились его удары. А в последнее время к ударам

добавились слова — холодные, расчётливые, бьющие точно в самое уязвимое место.

«Только попробуй в полицию сходить, — шипел он, нависая над ней, пока Маша пряталась в своей комнате. — Даже не думай. Твоей дочери тогда точно не поздоровится».

И Ольга замолкала. Запирала страх внутри, глотала слёзы и кивала, соглашаясь на всё, лишь бы он ушёл, лишь бы сегодня больше никого не тронул.

Маша была ему не родной дочерью — падчерицей. Раньше он относился к ней отстранённо: не проявлял ни любви, ни особой жестокости, просто держал дистанцию, будто девочка существовала где-то на периферии его жизни. Этот холодный нейтралитет Ольга даже считала своего рода защитой: раз не замечает, значит, не тронет. Но в какой-то момент равнодушие сменилось злобой, а злоба — насилием. И теперь Ольга понимала: никакой нейтральности больше нет. Есть только угроза, которая с каждым днём становилась всё реальнее.

Страх за Машу сковывал её крепче любых цепей. Он не давал кричать, не давал бежать, заставлял молча сносить обиды, терпеть боль и делать вид, что всё в порядке. Но сейчас, сидя на холодном полу и глядя на спящую дочь, Ольга чувствовала, как внутри что-то надламывается — и вместе с тем зарождается другое чувство: твёрдое, упрямое, готовое бороться. Потому что терпеть дальше значило предать ту, ради которой она жила.

Вдруг Ольга почувствовала тёплый взгляд своей дочери, направленный на неё, и улыбнулась Маше сквозь слёзы.

Обещая себе защитить самое дорогое, что есть у нее.

Глава 5

День тянулся, словно вязкий, тягучий сон: минуты ползли, а Ольга будто двигалась сквозь густое, неподатливое пространство.

На работе всё валилось из рук: тряпка скользила, ведро чуть не опрокинулось, инструменты никак не хотели ложиться в нужные места. Она ловила на себе встревоженные взгляды коллег, но не могла найти слов, чтобы объяснить, что с ней происходит.

— Ольга, что с вами? Вы сегодня сама не своя, — строго, но не без участия обратился к ней Павел Петрович, ведущий хирург.

В его голосе не было раздражения — скорее тревога, будто он пытался разглядеть, что прячется за её потухшим взглядом.

— Вам необходимо убраться в операционной: сегодня назначена плановая операция.

— Да, Павел Петрович, извините, пожалуйста, я сейчас всё уберу, — ответила Ольга, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но в нём всё равно слышалась дрожь.

Она уже хотела уйти торопливо, чтобы скрыться от этих внимательных глаз, но его голос остановил её:

— Ольга, остановитесь. Пройдите ко мне в кабинет.

Ольга кивнула и побрела за ним, чувствуя, как с каждым

шагом тяжесть внутри становится всё невыносимее.

В кабинете Павел Петрович кивнул на кресло у стола, а сам сел напротив, сложил руки и посмотрел на Ольгу — не строго, не с осуждением, а так, будто хотел увидеть самое сокровенное, то, что она прятала даже от самой себя.

— Оля, я вижу, что у вас что-то случилось. Расскажите мне, — тихо, но твёрдо произнёс он.

Оля замерла, сплела пальцы в тугой замок и сжала их изо всех сил, так, что побелели костяшки.

Ей было стыдно говорить об этом вслух, стыдно признаваться в собственной слабости, в том, что не смогла защитить дочь.

Но молчать было ещё тяжелее: тишина давила, душила, а поделиться было не с кем. И вдруг эта тишина стала невыносимой.

Павел Петрович был не просто хорошим хирургом — о нём говорили как о человеке редкой чуткости.

К нему стремились попасть на операцию, доверяя ему самое дорогое — свою жизнь.

Ему было чуть больше пятидесяти: в тёмных волосах се-ребрилась седина, а в карих глазах читалась не просто мудрость, а спокойная, выстраданная доброта, которая не судит, а помогает.

И Ольга заговорила. Слова лились сбивчиво, путано, она то замолкала, то снова начинала, глотая слёзы, боясь, что если остановится, то уже не сможет продолжить.

Павел Петрович слушал, не перебивая, не торопя, не пытаясь сразу дать совет. Он просто был рядом — и этого оказалось достаточно, чтобы плотина, которую Ольга держала столько времени, наконец треснула.

Когда она замолчала, в кабинете повисла долгая тишина. Павел Петрович ещё несколько мгновений сидел неподвижно, словно давая ей время выдохнуть, а потом заговорил:

— Вот что, Оля. Я дам вам контакты хорошего психолога.

Оля хотела возразить, привычно отмахнуться: «Мне не надо, справлюсь сама», но он поднял руку, мягко, но непреклонно пресекая любые протесты.

— Вам необходимо с кем-то поговорить. Вам нужна помощь и совет специалиста. Ситуация непростая. Ваш ребёнок оказался в тяжёлой обстановке в собственном доме.

Оля покраснела, чувствуя, как стыд обжигает щёки. Она понимала его правоту — и от этого становилось ещё больнее. Ей казалось, что виновата во всём только она сама: это её выбор, её ошибка, а расплачивается за неё маленькая Маша — носит на своём теле отметины от ремня, оставленные человеком, который должен был стать опорой, а стал угрозой. Не отец, а отчим. Алкоголик, от которого не просто нужно уйти — от которого нужно бежать.

Павел Петрович взял телефон и набрал номер. Послышались гудки, и Ольга вся сжалась, будто каждый из них бил прямо по нервам.

— Глеб, привет. Нужна твоя помощь. У меня тут знако-

мая в беде... Да, ситуация серьёзная. Понял, записываю.

Он что-то быстро черкнул на листке, кивая в трубку, потом поблагодарил, пообещал, что не останется в долгу, и положил телефон на стол.

— И вот, возьмите ещё номер телефона моего друга Глеба. Он следователь в прокуратуре. Завтра в 15:00 вы должны быть у него.

Он написал на клочке бумаги адрес и номер кабинета и протянул Ольге.

Она взяла бумажку дрожащими пальцами, спрятала в карман, будто этот маленький листок мог стать её щитом, и выдавила из себя сдавленную улыбку:

— Спасибо...

— Пожалуйста, — просто ответил он, не делая из этого одолжения.

— Павел Петрович, можно я пойду работать? — спросила она тихо, потому что стоять здесь, под этим внимательным, но не осуждающим взглядом, становилось всё труднее: хотелось спрятаться в привычной рутине, где всё понятно и можно просто делать своё дело.

— Идите, Ольга, — кивнул он. — Только... берегите себя. И дочку.

Она снова кивнула, не доверяя голосу, и вышла, унося с собой не только клочок бумаги с адресом, но и странное, пока ещё хрупкое чувство: она не одна.

Глава 6

Рабочий день наконец-то подошёл к концу. Павел Петрович, чуть смягчив строгий тон, отпустил Ольгу пораньше: — Идите, Оля, домой. Это была последняя операция.

Ольга лишь молча кивнула — слов не нашлось. Она быстро переоделась, будто если поторопиться, то тяжесть дня отстанет, и вышла на улицу.

Воздух уже дышал осенью: в нём сквозила прохладная прозрачность, а редкие листья, срываясь с веток, тихо кружились в неспешном танце. Оля шла, едва волоча ноги, каждый шаг давался с усилием, словно земля стала чуть тяжелее. В пальцах она без конца мяла визитку психолога, чувствуя, как тонкий картон постепенно теряет форму — совсем как её собственные силы.

В голове снова и снова звучали слова Павла Петровича, смешиваясь с собственными мыслями, пока не слились в одну горькую правду: она больше не справляется в одиночку. И от этого признания становилось одновременно и страшнее, и чуточку легче — будто первый шаг к спасению уже сделан, пусть и всего лишь в мыслях.

Ольга медленно достала телефон — экран будто стал тяжелее обычного. Пальцы чуть дрожали, пока она набирала незамысловатые цифры. Гудки тянулись, словно давая ей последний шанс передумать. А потом раздался голос — тёп-

лый, спокойный, будто кто-то мягко положил ладонь на плечо.

— Алло, центр психологической помощи «Алёна», вас слушает.

Ольга сжала телефон крепче, и слова, которые столько дней крутились в голове, наконец вырвались наружу:

— Я от Павла Петровича... Он дал мне ваш номер.

Пауза на том конце была не неловкой, а бережной — как будто собеседница дала ей время собраться.

— Когда я могу к вам подойти? — выдохнула Ольга, и в этом вопросе прозвучало всё: и страх, и надежда, и отчаянное желание, чтобы кто-то просто выслушал.

— Если вам удобно, я сейчас в офисе и могу вас принять. Записывайте адрес.

В сумке не нашлось ни блокнота, ни ручки — всё, что казалось важным утром, теперь лежало мёртвым грузом. Ольга тихо сказала:

— Диктуйте, я запомню.

Девушка на том конце проговорила адрес неторопливо, с той особой интонацией, когда стараются не спешить ради другого человека. И добавила мягко:

— Буду ждать вас через полчаса.

Ольга убрала телефон в карман, и этот жест вдруг ощутился как маленький шаг вперёд — будто она приняла решение не словами, а делом. Она побрела к трамвайной остановке, чувствуя, как внутри понемногу тает ледяной комок,

сковывавший грудь.

И когда подошёл нужный трамвай — ровно тот, что ей был нужен, — она восприняла это не как случайность, а как тихий знак: путь есть, и сейчас главное — просто двигаться вперёд. Ольга села в вагон, прислонилась лбом к прохладному стеклу и смотрела, как город мелькает за окном, размытаясь в серые и золотистые полосы.

Она ехала на встречу не потому, что вдруг стало легко. А потому, что впервые за долгое время позволила себе поверить: если она сможет помочь себе, то сможет и защитить самое дорогое. Ради дочки. Ради того, чтобы снова научиться улыбаться без усилия, дышать полной грудью, видеть свет в обычных днях.

Это было только начало. Но даже первый шаг, сделанный сквозь страх, уже был победой.

Глава 7

Мария дошла до двухэтажного здания — самого обычного, ничем не примечательного, будто специально старающегося слиться с городским пейзажем. Ни ярких деталей, ни вычурных украшений — только строгие линии и спокойные тона, в которых таилась какая-то тихая, почти незаметная усталость от бесконечной городской суеты.

Над входом висела большая вывеска, и на ней крупными буквами было выведено: «Алёна. Психологический центр помощи». Буквы казались одновременно твёрдыми и мягкими — будто сами по себе обещали: здесь выслушают, не осудят, помогут разобраться то, что давно спуталось в тугой узел внутри.

Ольга шагнула к зданию и пошла не торопясь, будто каждый следующий шаг давался чуть тяжелее предыдущего. Она словно пыталась оттянуть момент, когда придётся переступить порог и признаться — пусть даже не вслух, а только себе, — что ей действительно нужна помощь.

Войдя внутрь, Ольга на мгновение замерла, оглядываясь по сторонам. В отделении было светло и уютно, но эта уютная светлость отчего-то лишь сильнее подчёркивала её внутреннее смятение. У стены стоял аккуратный ресепшен, а за стойкой сидела приветливая, милая девушка — в её улыбке было столько спокойного участия, что у Ольги на секунду

защемило сердце: так улыбаются люди, которые привыкли быть опорой для тех, кто пришёл сюда с тяжёлым грузом на душе.

Ольга подошла к стойке, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости и тревоги.

— Здравствуйте, вы записаны? — мягко спросила девушка, глядя на Ольгу без спешки, с той особенной внимательностью, которая будто говорит: «Я здесь, я вас вижу, я готова вас выслушать».

— Да, — тихо ответила Ольга, стараясь, чтобы голос не дрогнул. — Меня ждёт Алёна.

Девушка кивнула, взяла трубку и набрала внутренний номер. Её движения были спокойными, размеренными, и от этого спокойствия Ольге вдруг стало чуточку легче — словно сама атмосфера центра потихоньку начинала забирать на себя часть её напряжения.

— Ольга Викторовна, к вам женщина, говорит, что записана, — проговорила девушка в трубку, слушая ответ. Она кивала, время от времени бросая на Ольгу короткие, ободряющие взгляды, будто хотела без слов сказать: «Всё будет хорошо, вы на правильном пути».

Наконец она подняла голову и улыбнулась чуть шире:

— Пройдите по коридору до конца, вас ждут.

Ольга тихо поблагодарила и медленно побрела по коридору. Шаги отдавались глухим эхом в тишине, и с каждым метром сомнения всё сильнее сжимали грудь. Правильно ли

она делает? Не лучше ли прямо сейчас развернуться, выбежать на улицу, схватить телефон и позвонить в детский сад — просто чтобы услышать родной голос, убедиться, что Машенька там, что с ней всё в порядке... Ведь Машенька ещё в саду, и этот факт тянул за собой целый вихрь мыслей: а вдруг что-то случится, пока её нет? А вдруг она нужна прямо сейчас, а не здесь, не в этом тихом центре, где чужие стены готовы принять её боль, но не могут обнять её дочку?

Сомнения кружились в голове, сплетаясь в тугой клубок, и Ольга шла вперёд, почти не чувствуя ног, разрываясь между необходимостью быть здесь и непреодолимым желанием оказаться там — рядом с Машенькой, где всё понятно, привычно и безопасно. Но она продолжала идти, шаг за шагом, потому что где-то глубоко внутри понимала: если не сделать этот шаг сейчас, клубок сомнений и страхов со временем станет только тяжелее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.